

ГЛАВА ВТОРАЯ

Деревня и город. Феодалные отношения в деревне. Формы землевладения. Туфеи. Города и их отношение к деревне. Внешний вид крупного города; Ханчжоу. Городские сословия. Быт феодалов и трудящихся масс. Положение женщины. Семейные нравы. Самоубийства.

Несмотря на широкое развитие промышленности и торговли, Китай оставался в течение всего средневековья, как и до сего дня, аграрной страной. Земельные отношения в Китае отличались большим своеобразием. Уже в III в. до н. э. существовала свободная купля и продажа земли и происходила ее концентрация в руках крупных собственников. Однако при первых ханьских императорах была уничтожена система майората и земельные владения стали дробиться между всеми наследниками. Таким образом, сделалось невозможным образование крупных наследственных владений. Крупным землевладельцем был лишь тот, кто сам наживал свои богатства. Другой своеобразной чертой аграрного строя Китая было то, что землевладельцы не вели своего хозяйства, не имели в деревне своих усадеб, а проживали обычно в городах. Землю же они сдавали в аренду крестьянам, которые обрабатывали ее исполу, своим нищенским инвентарем. В то время как землевладельцы постоянно менялись, продавая свои земли или дробя их между многочисленными наследниками, арендаторы, как правило, оставались неизменными, так как закон строго запрещал сгонять крестьянина с земли. Больше того, его труд рассматривался как государственная обязанность. На этом основании государство принуждало крестьян обрабатывать землю, наказывая нерадивых бамбуковыми палками. Закон запрещал не только сгон арендатора с земли, но и его самовольный уход. Создавалось как бы государственное закрепощение крестьянства, при отсутствии личного закрепощения.

Отсутствие личного закрепощения было тесно связано с отсутствием помещичьих усадеб и барщины. Но государственная барщина ложилась на китайское крестьянство не менее тяжелым бременем, чем помещичья в Европе. Крестьян в любой момент сгоняли на строительство плотин, дамб, каналов, императорских дворцов, городов и городских стен. Налоги же, уплачиваемые крестьянином государству, намного превышали феодалные платежи крестьянства в средневековой Европе. Китайский крестьянин обязан был еще отчислять известную часть урожая в общественный фонд, который хранился в уездах и селах в государственных амбарах. В голодные годы все население бесплатно получало из этих амбаров рис или просо.

Таковы земельные отношения в Китае на протяжении всего средневековья. Правда, время от времени делались попытки изменить эти отношения, главным образом в сторону восстановления старинной системы

государственного землевладения, при которой единственным собственником земли был царь (чжоуская эпоха). Так, правители из империи Цзинь в III в. и северного государства Вэй в V в. объявили все земли государственной собственностью и стали выдавать из них крестьянам наделы. Точно так же поступил и первый танский император Гаоцзу. Своим знаменитым земельным законом 624 г. он отменил частную собственность на землю и установил нормы надела: крестьянин получал 100 му для личной обработки, чиновники получали 1 200 му и ниже, в зависимости от ранга. Но все эти попытки регулировать землепользование неизбежно заканчивались неудачей. Земли снова концентрировались в частных руках, крестьяне закладывали или продавали свои наделы, и все возвращалось в старое русло. После Танской империи прекратились и самые попытки в этом направлении.

Государственное прикрепление крестьянства к земле порождало чрезвычайно консервативный быт китайской деревни. Отсюда же происходило своеобразное социальное явление — тугейство. Тугеи — это бродяги, «бандиты», не приписанные ни к одной деревне. Ими становились крестьяне, вконец разоренные и экономически выброшенные из производства или порвавшие со своей деревней и не бывшие в состоянии прописаться в другой деревне. Их были сотни тысяч, они заполняли собой проезжие дороги, разбойничали, нападали на города и деревни, грабя мирное население. Все исторические летописи и хроники заполнены эдиктами императоров о борьбе с тугеями, о насильственном водворении их на старое местожительство.

Деревне противостоял город — не столько как центр ремесла и торговли, сколько как средоточие всех эксплуататорских слоев населения. Средневековому Китаю были неизвестны замкнутые самообслуживающиеся мирки феодальных поместий. Помещики жили в городах, как и чиновники, сборщики налогов и ростовщики, одинаково ненавистные крестьянской массе. Вот почему крестьянские восстания в Китае всегда направлялись прежде всего против городов.

Отчасти из страха перед этими восстаниями, отчасти в целях обороны от кочевников города обносились стенами. Каждый, даже мелкий провинциальный городишко имел стену и резиденцию управителя («ямьнь»). Как и в Европе раннего средневековья, в пределах городских стен имелись и засеянные поля и огороды. Городские постройки в большинстве случаев мало отличались от деревенских хижин. Но над этими одноэтажными деревянными домишками высоко поднимались роскошные дворцы феодалов, пагоды (храмы) и башни. Особенно много великолепных зданий было в городах, являвшихся крупными торгово-промышленными центрами или столицами. Столица менялась в Китае каждой новой империей, а в периоды политической раздробленности было по несколько столиц одновременно. Таковы города Чан-ань (Сиань), Лоян, Бейпин (или Пекин,

Генерал. Характерный тип для китайского театра

т. е. «Северная столица»), Нанкин (т. е. «Южная столица»), Кайфын, Ханчжоу и др., бывшие в течение многих столетий резиденциями императоров или крупнейших территориальных князей. Такие города отличались своим многолюдством; иные насчитывали два-три миллиона жителей, а городов с населением свыше 100 тыс. человек было, например, в монгольский период свыше 50. Таких цифр городского населения совершенно не знала средневековая Европа.

Неудивительно, что столичные города Китая поражали европейцев своими размерами и величием. Венецианец Марко Поло, посетивший во второй половине XIII в. ряд городов Китая, оставил нам описание одного из них — Ханчжоу. Этот город — тогда столица Сунской империи, стоявший на Великом канале, был в XIII в. одним из крупнейших портов и торгово-промышленных центров Китая. По описанию Марко Поло, Ханчжоу имел сто миль в окружности. Широкие каналы пересекали город, подобно Венеции. Длинные, прямые улицы, огромные торговые площади были полны народу. Главная улица имела 40 шагов ширины. В городе было около 12 тыс. мостов, перекинутых через каналы. Вместительные экипажи с шелковыми занавесами, верховые и бесчисленные пешеходы заполняли вымощенные камнем улицы. По каналам беспрестанно сновали лодки. Были увеселительные яхты с каютами, со столами, стульями, посудой. На площадях, на базарах, в многочисленных лавках шла оживленная торговля. Груды дичи — козы и олени, серны, зайцы и рябчики, фазаны, перепела, каплуны, тетерки и утки — раскупались в течение нескольких часов, как и всякое мясо и рыба с соседних озер. Зелень, фрукты, пряности, вина, духи в изобилии продавались в лавках и на базарах. Одного перцу купцы ежедневно продавали больше 200 фунтов. Большие магазины торговали заморскими диковинками. Рядом с китайскими помещались богатые торговые здания индийских и других иноземных купцов. К их услугам были рестораны, гостиницы, публичные дома, больницы, бани. В гостиницах имена прибывших заносились в книги, с указанием дня и часа прибытия. Над воротами каждого дома висел лист с именами живущих.

На особых улицах помещались жилища лекарей и астрологов, предсказателей судьбы. При богатых домах и дворцах были прекрасные тенистые сады; имелись и общественные городские сады. На мостах были караульщики, по водяным часам ежечасно возвещавшие время ударами в гонг. По городу ходили патрули, наблюдавшие за порядком и чистотой. На случай пожаров были общественные склады, куда сносилось имущество погорельцев.

В отличие от деревни, сплошь крестьянской и, следовательно, сословно однородной, городское население представляло большое разнообразие классов и сословий. Здесь различались купцы, ремесленники, ученые, воины и т. п., но все это разнообразие сводилось к двум основным общественным группам: привилегированному сословию знати и простолудинам. К знати относилось в первую очередь наследственное дворянство, создаваемое почти каждой новой династией и в особенности завоевателями. Так, монголы создали в XIII в. свое, монгольское, дворянство, манчжуры в XVII в. создали манчжурское привилегированное дворянство. Наряду с наследственным дворянством в Китае испокон века существовало личное дворянство, вербовавшееся из числа богатейших землевладельцев, купцов и ростовщиков. Это личное дворянство называлось «ши», или «шэньши», что означало «ученые». В древности слово «ши» означало просто сильного человека, но впоследствии включение в привилегированное сословие было обусловлено не только богатством, но и «ученостью», т. е. знанием письменности и конфуцианских канонов. Термин «ученый» стал, таким образом, равнозначным понятию знати. Из этой знати вербо-

вались служилые люди, управители городов, губернаторы, казначеи и судьи. Первые португальцы, прибывшие в Китай в XVI в., прозвали китайских управителей «мандаринами» (от португальского слова «мандар» — управлять, повелевать). Китайские мандарины, «управители», в отличие от европейских феодалов, не передавали своих должностей по наследству. Они назначались на определенный срок. Но их власть была безгранична, они фактически представляли собой верхушку господствующего класса, сохранявшую в своих руках командные высоты в китайском обществе при всех изменениях, происходивших в верховном управлении. Наверху сменялись одна за другой династии, китайских императоров сменяли иноземные завоеватели, но на местах неизменно оставались мандарины, эксплуатировавшие народ веками установившимися способами. Это были поборы, налоги, взятки, в неограниченных размерах взимаемые и с крестьян, и с ремесленников, и с купцов.

Сословие мандаринов — управителей, подразделялось на несколько рангов. Каждый из них отличался друг от друга внешними признаками — различными изображениями зверей и птиц на одежде, а при манчжурах еще шариками на головных уборах. Сословные отличия, почетные титулы и ранги были продажными. Почти при всех династиях закон разрешал продавать дворянское звание за крупные денежные суммы, шедшие в доход казны. Это облегчало сословное оформление господствующего класса: всякий богач покупал себе дворянский ранг или почетный титул, входя таким путем в привилегированное сословие.

Основная масса городского населения принадлежала, как и все крестьянство, к сословию простолюдинов. Сюда входили, наряду с ремесленниками и многочисленным рабочим людом, также и купцы, если только они не покупали для себя дворянского звания. Среди простолюдинов имелись свои ранги и градации. На самой низшей ступени сословной иерархии стояли «подлые» люди. К ним относились представители некоторых профессий, считавшихся «низкими», — цирюльники, актеры, оружейные мастера, служители «ямыней», рабы. Рабство в Китае было официально отменено только в 1908 г. Рабами были преступники, военнопленные и все их потомки из поколения в поколение. Помимо того, закон разрешал населению продавать в рабство детей, и этим «правом» пользовались тысячи бедняков, особенно в неурожайные годы. В средние века рабы обычно уже не занимались производительным трудом, а составляли преимущественно челядь в богатых и знатных домах.

Таким же застойным и неподвижным, как сословный строй и вообще

Куртизанка. Характерный тип для китайского театра

социальные отношения, оставался на протяжении целых тысячелетий и китайский быт. Условия существования трудящихся масс мало изменились с древнейших времен. Жалкие крестьянские хибарки и лесовые пещеры в Северном Китае остаются жилищами крестьянина до сегодняшнего дня, как были ими и в древнем и средневековом Китае. Остались неизменными одежда и пища. Средневековье внесло мало перемен и в быт господствующих классов. Шелковые, атласные, парчевые халаты, меховые шубы, шелковые сапоги, отличавшие аристократа в древнем Китае, оставались одеждою феодала и в средние века. Только пища его стала еще более изысканной и разнообразной.

Манчжуры, завоевавшие Китай в середине XVII в., не изменили бытового уклада китайцев, но внесли новые черты в их внешний облик. Раньше китайцы ходили с длинными, распущенными волосами, свешивавшимися на плечи, манчжуры заставили китайцев принять тот облик, который отличал манчжуров: брить голову и оставлять только на макушке пучок волос, сплетенный в косу. Коса оставалась внешним отличием китайца вплоть до революции 1911—1912 гг., когда в знак победы над манчжурской монархией китайцы срезали косы и отпустили волосы.

В средневековом Китае продолжали сохраняться пережитки родового строя, которые консервировала китайская идеология — конфуцианство. Запрещение жениться на однофамильцах, считавшихся представителями одного рода, неделимость семьи, культ предков, почитание общих родовых старейшин, родовые кладбища — все это сохраняется до сегодняшнего дня. Долго сохранялись родовая кровная месть и родовые войны. Отказ от родовой мести карался законом как преступление.

Консервативный, тысячелетиями нерушимый быт китайцев не подвергся изменениям и после начавшихся сношений с Европой. Появились европейские диковинки, например, часы, которые стали излюбленной роскошью феодалов, но кроме таких несущественных новшеств, завезенных европейцами, китайцы долго не воспринимали европейской культуры. Они даже ездить в страны Европы начали только в 60-х годах XIX в. Со своей стороны, манчжурское правительство долго запрещало европейским женщинам приезжать в Китай и, особенно, появляться на улицах. По представлениям китайцев, женщина является низшим существом, не имеющим права появляться в общественных местах. Считалось красивым иметь маленькие ножки и плоскую грудь. Поэтому девушкам с детства подгибали ступни и бинтовали ноги, не давая им расти и превращая их в маленькие, уродливые копытца. Грудь бинтовали, также не давая ей развиваться. В бедной семье девочка считалась обузой: нередко ее либо подкидывали, либо продавали в рабыни, в наложницы, или в лучшем случае отдавали в семью жениха, где она с детства воспитывалась. Выдача замуж бедной семье была, однако, не всегда доступна, так как это требовало большого приданого. Выдавали, как и в древности, родители и свахи, без ведома и согласия вступающих в брак.

Феодальный быт в Китае был исключительно точно регламентирован законом. Особые статьи закона регулировали свадебные обычаи, похороны, траур. Каждому дворянину полагалось жить сообразно своему рангу: его дом должен был иметь строго определенный размер, крыша могла быть выкрашена только в определенный цвет, даже кольца на воротах должны были быть железные, медные или оловянные, в зависимости от ранга. Форма одежды, ее цвет — все, вплоть до количества пуговиц, было строго регламентировано. Точно так же закон предусматривал количество носильщиков на похоронах дворянина и материал, из которого выделялся памятник на его могиле. Памятник из мрамора был привилегией феодалов. Простолоудины были в такой же степени ограничены в своем быту, как и в политических и юридических правах. Они не могли

носить одежду, сшитых из разноцветных тканей или из парчи и бархата, есть из золотой посуды, украшать себя жемчугом. Фундаменты их домов не должны были возвышаться над землей, ибо это было привилегией дворянина.

Единственно общее, что объединяло все сословия Китая, была идеология, порождавшая общность нравов. Это — конфуцианство, еще в ханскую эпоху признанное государственным учением и в течение всего периода средневековья бывшее важнейшим оружием духовного закабаления народа. Нравы китайцев были насквозь пронизаны конфуцианской моралью, которая требовала сохранения рода и почитания старших: отца в семье, чиновника в округе, императора в государстве. Сыновнее почтение считалось главной добродетелью китайца. Добрый сын должен был удовлетворять малейшую прихоть стариков и считать себя счастливым, если прожил жизнь, не отходя от своих родителей и создав им счастливую старость. Конфуцианская литература полна примерами сыновнего благочестия. Воспевается добродетель некоего Лаолайцы, 70-летнего старика, который ходил в детском костюмчике и забавлялся игрушками только ради того, чтобы не напоминать родителям об их более чем преклонном возрасте. Этот пример ярко отражает устремленность всей китайской идеологии не вперед, не в будущее, а в прошлое: не родители жили для детей, для будущего, а дети для родителей. Сын не смел порывать с семьей, уходить от отца и матери, деда и бабки. Всеми корнями он был привязан к семье, к роду, вместе с семьей он должен был быть и похоронен на своем родовом кладбище. Старикам еще при жизни дарили гроб, и это считалось лучшим подарком, обеспечивавшим покой в загробной жизни. Похороны были разорительны и для богачей и для бедноты. Чиновники на три года увольнялись в отпуск для выполнения траура, бедняки влезали в долги, чтобы достойно похоронить стариков, устроить поминки.

Смерть никогда не пугала китайца, воспитанного культом предков и конфуцианской моралью. Вера в загробную жизнь духов, посмертное почитание предков потомками приучили китайца к поразительному равнодушию к смерти. Главная забота заключалась лишь в том, чтобы достойно умереть, чтобы не опорочить себя позорной смертью. Самоубийство считалось почетным и поощрялось общественным мнением. Самоубийцам часто воздвигались памятники, они получали посмертные почетные титулы. Распространенным явлением были массовые самоубийства на войне, после поражений, самоубийства вдов после смерти мужей, самоубийства в знак протеста против несправедливости, обиды, оскорбления. Самоубийство являлось наиболее доступной и действенной формой мести врагу: не было лучшего способа отомстить обидчику, как опозорить его, лишив себя жизни в его доме.

